

«УСЫПИТЕЛИ»

IV

Наши читатели могут конечно спросить нас, почему мы занимаемся Лигой Мира и Свободы, если считаем ее умирающей, если знаем, что дни ее сочтены; почему не даем ей покойно и без шума покончить свое жалкое существование. Действительно, так бы и следовало поступить, если бы Лига Мира и Свободы не угрожала подарить нам на прощание свою память — буржуазный социализм. Мы не стали бы заниматься этим жалким незаконнорожденным детищем буржуазии, если бы он обращался с своей пропагандой только к буржуазному радикальному миру; не веря в успех его усилий, мы только удивлялись бы его благим намерениям; но, к несчастью, он не довольствуется этими бесполезными усилиями и старается проникнуть в рабочую среду, чтобы и ее приобщить буржуазной теории; а это по меньшей мере безнравственно и, главное, крайне вредно. Этот выродок, буржуазный социализм, очутился между двумя непримиримо враждебными мирами: миром буржуазным и миром рабочих. Хотя, с одной стороны, его двусмысленное и вредное действие ускоряет смерть буржуазии, зато, с другой, развращает пролетариат. Он вдвойне развращает его; во-первых, извращая программу и умаляя величие его принципов; во-вторых, внушая ему несбыточные надежды и нелепую веру в близкое обращение буржуазии; он привлекает, или по крайней мере, желает привлечь пролетариат к буржуазной политике и таким образом обратить его опять в орудие буржуазии. Что же касается принципов буржуазного социализма, то он находится в этом отношении в положении столь же затруднительном, сколько смешном; он или слишком широк, или слишком развращен, чтобы держаться одного определенного принципа; он хочет соединить в себе два принципа, взаимно исключающие друг друга, с нелепой претензией примирить их. Например, он хочет сохранить буржуазии индивидуальную собственность капитала и земли и в то же время заявляет великодушную готовность обеспечить благосостояние рабочего. Далее он обещает

рабочим полное пользование продуктом их труда — вещь невозможную при существовании процента и ренты, так как и процент и рента взимаются с продукта труда.

Буржуазный социализм хочет сохранить за буржуазией ее нынешнюю свободу, которая не что иное, как возможность эксплуатировать силою капитала труд рабочих, и в то же время он обещает рабочим полное экономическое и социальное равенство: равенство эксплуатируемых с эксплуататорами.

Он защищает право наследства, то есть возможность детям богатых рождаться богатыми, а детям бедняков нищими, и вместе с тем обещает всем детям равенство воспитания и образования, как того требует справедливость.

Буржуазный социализм поддерживает, в пользу буржуазии, неравенство положений, естественное последствие права наследства, и обещает пролетариату, что в его системе все будут равно работать, сообразно способностям и естественным наклонностям каждого. Это было бы возможно только при двух условиях, одинаково нелепых: или государство, власть которого также ненавистна социальной буржуазии, как и нам, будет принуждать богатых работать наравне с бедными, что приводит нас прямо к государственному коммунизму; или все богатые, движимые единственно чуждым самоотвержением и великодушной решимостью, примутся добровольно работать, не побуждаемые нуждой, работать наравне с теми, кого заставляют трудиться нужда и голод.

Но даже допуская подобное чудо, очевидно, что работающие по необходимости всегда будут в подчинении, зависимости и просто в рабстве у добровольных работников.

Буржуазный социалист легко узнается по следующему признаку: он крайний индивидуалист и не может без внутренней злобы слышать о коллективной собственности. Враждебный ей, он естественным образом враждебен и коллективному труду и, не имея возможности совершенно устранить его из социальной программы, хочет во имя свободы, которую так плохо понимает, открыть самое широкое поприще индивидуальному труду.

А что такое индивидуальный труд? Всюду, где непосредственно участвует физическая сила или ловкость человека, то есть во всем, что называется материальным производством, — индивидуальный труд бессилен; единичная работа одного, как бы он ни был

силен и ловок, никогда не может бороться против коллективного труда рабочих, организованных в ассоциацию. То, что ныне в промышленном мире называется индивидуальной работой, есть только эксплуатация коллективного труда рабочих отдельными лицами, привилегированными обладателями капитала или знания. Но с прекращением эксплуатации, чего желают, как уверяют, по крайней мере, сами буржуазные социалисты, в промышленном мире не будет другого труда, кроме труда коллективного и, следовательно, другой собственности, кроме коллективной. Таким образом, индивидуальный труд останется возможным только в интеллектуальном производстве, в работе ума. Но и тут нужна оговорка. Ум величайшего гения не есть ли продукт коллективной работы, как умственной, так и промышленной, всех прошедших и настоящих поколений? Чтобы убедиться в этом, достаточно вообразить себе этот самый гений перенесенным, с самого раннего детства, на необитаемый остров, предполагая, что он не погибнет там с голоду; что получится из него? Животное, существо неспособное даже говорить, а тем более мыслить. Перенесите его туда в десятилетнем возрасте; что выйдет из него через несколько лет? Опять-таки животное, потерявшее способность говорить и сохранившее от своей человеческой природы лишь смутный инстинкт. Перенесите его двадцати, тридцати лет — через десять, пятнадцать, двадцать лет он отупеет, одичает. И самое большее, что может сделать, — изобретет какую-нибудь новую религию.

Из этого ясно, что человек, даже богато одаренный природою, получает от нее только способности, и что эти способности останутся бесплодными, мертвыми без могучего действия коллективности. Наше мнение, что личность, богато одаренная от природы, уже по этому самому многим может воспользоваться и пользуется от коллективности, а это обязывает ее много воздать ей; этого требует справедливость.

Тем не менее, мы признаем, что хотя большая часть умственных работ может производиться и лучше, и скорее коллективно, чем индивидуально, но есть такие, которые требуют единичного труда. Что же из этого следует? Уж не то ли, что единичные работы гениальных или талантливов людей, будучи более редки, более ценны и более полезны, чем работы обыкновенных рабочих,

должны оплачиваться лучше? На каком основании? Разве эти работы тяжелее ручного труда? Напротив, ручной труд несравненно тяжелее. Умственный труд приятен; он сам в себе носит свою награду и не нуждается в другом вознаграждении. Кроме того, он еще находит вознаграждение в уважении и благодарности современников, в сознании того просвещения и блага, которые он им доставляет. Вы, предающиеся идеальничанью в таких широких размерах, господа буржуа-социалисты, неужели вы не находите, что эта награда стоит всякой другой? Или может быть вы предпочли бы более существенное вознаграждение звонкой монетой? Вы сами оказались бы в большом затруднении, если бы вам пришлось устанавливать таксу на продукты интеллектуальной работы гения. Это, по очень верному замечанию Прудона, величины неизмеримые: они или ничего не стоят, или стоят миллионы... Но понимаете ли вы, что при этой системе вам придется поторопиться уничтожить право наследства, потому что иначе дети людей гениальных или великих талантов будут наследовать миллионы и сотни тысяч; вспомните притом что дети гениев большею частью, вследствие ли неизвестного еще закона природы, или того привилегированного положения, которое доставили им труды их отцов, бывают большею частью очень ограничены умственно, а часто просто глупы. Что же станет с тем справедливым распределением, о котором вы так любите толковать и во имя которого ведете борьбу с нами? Как осуществится эта равноправность, которую вы нам сулите?

Из всего этого, кажется, очевидно, что единичный труд индивидуального ума, все умственные работы в смысле изобретения, но не в смысле приложения, должны быть даровыми. Но чем же тогда жить людям таланта, людям гениальным? Разумеется, физическим и коллективным трудом, как все другие. Как? вы хотите подчинить великие умы физическому труду, наравне с самыми посредственными? Да, хотим, и вот почему: во-первых мы убеждены, что великие умы не только ничего при этом не потеряют, но, напротив, много выиграют, укоренятся физически, а еще более духовно солидарностью и справедливостью. Во-вторых, это единственный способ возвысить и очеловечить физический труд и этим самым установить настоящее равенство между людьми.

V

Теперь мы рассмотрим великие меры, предлагаемые буржуазным социализмом для освобождения рабочего класса, и легко докажем, что каждая из этих мер под очень почтенной наружностью скрывает что-нибудь невозможное, лицемерное, лживое. Их три: 1) народное образование, 2) кооперация и 3) политическая революция.

Мы спешим заявить, что есть пункт, на котором мы совершенно согласны с ним: образование необходимо народу. Только те могут отвергать это или сомневаться в этом, кто желает увековечить рабство народных масс. Мы так убеждены, что образование есть мерило той степени свободы, благосостояния и человечности, которой может достигнуть как целый класс, так и отдельное лицо, что требуем для пролетариата не только какого-нибудь образования, а образования полного, всестороннего, чтобы над ним не мог возвыситься иной класс, покровительствующий и направляющий его в силу своего знания; чтобы не могла создаться новая аристократия — аристократия ума и знания. По нашему мнению, из всех аристократий, которые угнетали человеческое общество поочередно, а иногда все вместе, эта так называемая аристократия ума всех гнуснее, презрительнее, надменнее и притеснительнее. Аристократия дворянства говорит работнику: «ты честный человек, но ты не дворянин». Это оскорбление еще можно перенести. Аристократия капитала признает за работником всевозможные достоинства, «но, прибавляет она, у тебя нет ни гроша за душой». Это тоже еще сносно, потому что это лишь констатирует факт, в большинстве случаев скорее лестный для того, к кому обращается этот укор. Но аристократия ума говорит работнику: «ты ничего не знаешь, ничего не понимаешь, ты осел, а я разумный человек, поэтому я должен тебя навьючить и вести». Это нестерпимо.

Аристократия ума — возлюбленное детище новейшего доктринерства, последнее прибежище духа властолюбия, которым страдал мир с самого начала исторических времен и который воздвиг и освятил все государства. Это смешное и нелепое поклонение патентованному уму могло родиться только в среде буржуазии. Аристократии дворянства наука была не нужна для доказательства своего права. Она опирала свою власть на двух неопровержимых аргументах, основыва-

вая ее на насилии, на грубой физической силе и освящая милостью Божьей. Она совершала насилия, а церковь благословляла их — таково было ее право. Эта тесная связь торжествующего кулака с божественной санкцией придавала ей обаяние и внушала ей ее рыцарскую доблесть, покорявшую ей сердца.

Буржуазия, лишенная всякой доблести и благодати, может основывать свое право только на одном аргументе: очень существенном, но очень прозаическом могуществе денег. Это циническое отрицание всякой добродетели; с деньгами всякий дурак и скот, всякий негодяй имеет всевозможные права; без денег все личные достоинства ничего не значат — вот основной принцип буржуазии в его грубой действительности. Понятно, что такой аргумент, как бы ни был он силен сам по себе, недостаточен, чтобы оправдать и закрепить могущество буржуазии. Такова природа людей, что самые скверные вещи могут упрочиваться в обществе только под благовидной личиной. Отсюда поговорка, что лицемерие есть дань уважения, платимая пороком добродетели. Самое могущественное насилие нуждается в освящении.

Мы видели, что дворянство оградило все свои насилия милостью Божьей. Буржуазия не могла прибегнуть к такому покровительству, во-первых, потому что Господь Бог и его представительница церковь слишком скомпрометировалась, исключительно покровительствуя целые века монархии и дворянской аристократии, злейшему врагу буржуазии; и, во-вторых, потому, что буржуазия, чтобы она ни говорила и ни делала, все таки отрицает Бога. Она толкует о Боге для народа, но сама в нем не нуждается и обделывает все свои дела в храмах, посвященных не Господу, а Мамону²³⁵, на бирже, в торговых и банкирских конторах, в больших промышленных заведениях. Ей, следовательно, надо было искать санкции помимо церкви и Бога. Она нашла ее в патентованной интеллигенции.

Она отлично знает, что ее настоящее политическое могущество основывается главным образом и, можно сказать, единственно на ее богатстве; но так как она не желает и не может сознаться в этом, то старается объяснить это могущество своим умственным превосходством не природным, а научным; чтобы управлять людьми, утверждает она, нужно много знать, а в настоящее время она одна обладает знанием. Действительно, во всех государствах Европы только буржуазия,

включая сюда и дворянство, существующее ныне только по имени, — класс эксплуатирующий и властвующий, получает один сколько-нибудь серьезное образование. Кроме того, из среды буржуазии выделяется особое меньшинство, посвящающее себя исключительно изучению великих вопросов философии, социальной науки и политики и составляющее собственно новейшую аристократию, аристократию патентованной и привилегированной интеллигенции. Это меньшинство — квинтэссенция и сильнейшее выражение духа и интересов буржуазии.

Новейшие европейские университеты, образующие род ученой республики, оказывают буржуазии те же услуги, какие некогда католическая церковь оказывала дворянству, и подобно тому, как католицизм санкционировал в свое время все насилия дворянства над народом, университет, храм буржуазной науки, объясняет и оправдывает ныне эксплуатацию того же самого народа капиталом буржуазии. Удивительно ли после этого, что в великой борьбе социализма против буржуазной политической экономии новейшая патентованная наука так решительно приняла и продолжает принимать сторону буржуазии?

Не будем придирааться к последствиям, будем всегда обращаться к причинам. Школьная наука — продукт буржуазного духа; представители этой науки родились, выросли и воспитались в буржуазной среде, под влиянием ее духа и исключительных интересов; поэтому естественно, что и та и другие враждебны полному и действительному освобождению пролетариата, и что все их теории, экономические, философские, политические и социальные, последовательно выработанные в этом духе, имеют в сущности целью только доказать неспособность народных масс и, следовательно, призвание буржуазии управлять ими до конца веков, так как богатство дает ей знание, а знание дает возможность богатеть еще больше. Как же выйти рабочему из этого заколдованного круга? Ему, понятно, необходимо приобрести знание и захватить в свои руки могучее орудие — науку, без которой он может, правда, делать революцию, но никогда не будет в состоянии воздвигнуть на развалинах буржуазных привилегий эту равноправность, справедливость и свободу, которые составляют сущность всех его политических и социальных стремлений. — Вот пункт, на котором мы вполне сходимся с буржуазными социалистами.

Но на следующих пунктах мы положительно расходимся с ними.

1. Буржуазные социалисты требуют для рабочих только немного более того образования, которое они получают в настоящее время, и предоставляют привилегию высшего образования очень незначительному классу счастливцев; говоря проще — людям, вышедшим из класса землевладельцев, буржуазов, и тем, которые по счастливой случайности были приняты в среду этого класса, так сказать, усыновлены им. Буржуазные социалисты утверждают, что бесполезно всем получать одинаковую степень образования, потому что, если бы все захотели предаваться науке, то никого не осталось бы для физического труда, без которого даже наука не может существовать.

2. С другой стороны, они утверждают, что для освобождения рабочих масс надо начать с воспитания их, и что, пока они не будут обладать знанием, им нечего и думать о коренном изменении своего экономического и социального положения.